

УДК 101.1: 316

ПРОЦЕССЫ ИНФОРМАЦИОННОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ В СОЦИАЛЬНОЙ ТЕОРИИ МАНУЭЛЯ КАСТЕЛЬСА

И.А. Евдокимов

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Анализируются социальные изменения, связанные с процессами информационной трансформации, исследованными в социальной теории Мануэля Кастельса. Рассмотрены новые формы социальной стратификации. Раскрыто влияние меняющихся способов накопления капитала, выявленных Мануэлем Кастельсом.

Ключевые слова: информация, информационно-коммуникационные технологии, социальная стратификация.

В настоящее время человечество генерирует, хранит, распространяет и обрабатывает информации намного больше, чем прежде. Информация оказывает влияние не только на отдельных индивидов, но и на общественное устройство. Изучение роли информации и информационных технологий можно проследить в работах Дэниела Белла, Герберта Шиллера, Юргена Хабермаса, Теодора Адорно, Энтони Гидденса, Ролана Барта, Джанни Ваттимо, Жана Бодрийяра, Марка Постера, Жана Франсуа Лиотара, Жака Эллюля и др.

Свой вклад в исследование данной темы также внес испанский социолог Мануэль Кастельс. На заре своей научной карьеры Кастельс изучал проблемы, связанные с урбанизацией, однако постепенно перешел к изучению влияния информационно-коммуникационных процессов на общество, пытаясь определить глубинные последствия их развития.

Нельзя не отметить, что воззрения Кастельса могут показаться похожими на идеи Маршалла Маклюэна. В своем произведении «Галактика Гутенберга: Становление человека печатающего» Маклюэн подчеркнул тот факт, что развитие информационных технологий ведет к появлению новых форм и структур человеческой взаимозависимости и человеческого самовыражения [5, с. 6]. Кастельс в чем-то повторяет наблюдения Маклюэна и отмечает, что основная роль сетей заключается не в их содержании, а в самом факте доступа к ним. Важным для культуры становится вопрос о возможности доступа к сети.

Культурные сражения есть суть сражений за власть. Чаще всего они ведутся в средствах массовой информации. Однако средства массовой информации не являются держателями власти. Власть содержится в сетях информационного обмена, а также в манипуляции символами, соотносящими социальных акторов, культурные движения и институты.

Заметно, что Кастельс, хоть и не демонстрирует открытой озабоченности, все же неоднократно поднимает вопрос о фрагментации об-

щества, чему способствует непрерывное развитие информационных технологий. В связи с этим он, используя знаменитый афоризм Маклюэна «the medium is the message», часто встречающийся в русскоязычных изданиях как «средство коммуникации является сообщением», пишет «message is the medium», что можно перевести как «послание является средством сообщения», если принимать во внимание оригинальное высказывание [8, p. 142]. Медиа транслируют то, что запрашивают пользователи, а аудитория сама по себе фрагментирована. Кастельс утверждает, что мы стали свидетелями непрерывного роста роли домашнего образа жизни, что напрямую связано с внедрением информационно-коммуникационных технологий. Медиа в наши дни связаны между собой в глобальном масштабе, но мы живем не в глобальной деревне, а в коттеджах, построенных по заказу, производящихся глобально, но распределяемых локально [4, с. 327].

Однако Кастельс исследует все стороны вопроса и утверждает, что мы можем наблюдать противоположные тенденции, которые прочно укоренились в технологической сфере. Для него современные информационно-коммуникационные технологии обладают технологическими и культурными свойствами интерактивности. А это, по его мнению, способствует созданию особых сообществ, которые связывают, а не разделяют людей [3, с. 148].

Включенность в сеть, полагает Кастельс, является одним из главных условий участия в жизни общества современности. Несмотря на определенный энтузиазм по поводу увеличивающихся возможностей информационно-коммуникационных технологий, Кастельс проявляет некоторое опасение в том, что основное направление будет задаваться централизованными силами. Кроме того, он пишет о том, что цена за подключение к системе может задаваться возможностью адаптации к ее логике и языку. Примечательно, что данный процесс он называет «проходным баллом». Кастельс полагает, что культурный эффект, появляющийся от внедрения новых форм информационно-коммуникационных технологий, может оказаться намного серьезнее и глубже, чем простая возможность демократичной коммуникации. Продолжая эту мысль, он пишет о «реальной виртуальности» [4, с. 504]. «Реальная виртуальность» есть система, в которой реальность схвачена и погружена в виртуальные образы, мир иллюзий, где внешнее отображение не просто сообщает об опыте, а само становится опытом.

Кастельс полагает, что глобальная экономика является капиталистической, даже более капиталистической, чем любая другая экономика. Однако капитал был трансформирован, как и труд. Основным законом по-прежнему является производство, целью которого – частное присвоение прибыли на основании прав собственности. В этом кроется сущность капитализма. Кастельс полагает, что в наше время появился особый специфический уровень, присущий глобальному капиталу. Этот

уровень является одновременно и старой формой, и фундаментальной особенностью капитализма в его новом проявлении. Его причина в природе глобальных финансовых рынков. На этих рынках прибыли многие источники объединяются в поиске более высоких прибылей. Он пишет, что глобальные финансовые рынки, а также их управленческие сети есть «коллективный капиталист» и «мать всех накоплений». Однако утверждать подобное не значит утверждать, что финансовый капитал стал господствовать над индустриальным, эта дихотомия не соответствует новой реальности. Финансовые сети являются центром того, что Кастельс называет «информациональным капитализмом» [там же с. 494].

Последствия подобных процессов для взаимоотношений различных социальных классов глубоки и сложны. Тенденция поляризации и возрастания социального неравенства становится заметной невооруженным глазом. Сам по себе процесс является результатом фундаментальной дифференциации между незаменимым и заменимым трудом. Кроме того, отпечаток накладывают процессы индивидуализации труда, подрывающие коллективную организацию.

Кастельс утверждает, что граница между социальным исключением и каждодневным выживанием размывается для людей во всех обществах. При этом процесс социального исключения влияет не только на обездоленных, но и на тех индивидов и социальные категории, что выстраивали свою жизнь в постоянной борьбе за возможность избежать падения вниз по социальной лестнице.

Среди фундаментальных социальных разломов Кастельс называет внутреннюю фрагментацию рабочей силы, социальное исключение значительной части общества, состоящего из тех индивидов, чья ценность в категориях потребитель/рабочий исчерпана, и разделение рыночной логики глобальных потоков капитала.

Он также полагает, что общество, насыщенное информационно-коммуникационными технологиями, начинает генерировать новые формы социальной стратификации. Кастельс утверждает, что с возникновением новых форм неравенства наступают перемены во властных отношениях и системе распределения ресурсов. Социальная стратификация изменяется, но не из-за изменения в профессиональной структуре, а из-за дискриминации и процессов исключения, имеющих место не только внутри рабочей силы, но и вокруг нее.

Кастельс добавляет, что разделение между трудом и капиталом постепенно размывается. На место капитализму, управляемому определенной группой, приходит капитализм «без капиталистического класса». За функционирование капитализма отныне несут ответственность эксперты-генераторы информации. Именно эта группа, по его мнению, стала движущей силой общества. Ее представители ответственны за многие процессы – от создания информационных технологий, управления трансформационными процессами на корпоративном уровне до вы-

ставления требований на уровне законодательном. При этом количество «работников общего типа» неуклонно сокращается. Они подвержены угрозе из-за отсутствия возможности гибко реагировать на непрерывно изменяющиеся внешние условия. Кастельс вновь возвращается к генераторам информации и технологическим новаторам, заявляя, что они стали силой, производящей богатство и вынуждающей «работников общего типа» изменяться. Именно здесь происходит основной социальный раскол. По одну сторону становятся работники, способные подстраиваться под технологические изменения, а на противоположной стороне оказываются неквалифицированные и плохо подготовленные работники, оказывающиеся за бортом системы.

При этом пропасть между работниками двух типов непрерывно увеличивается, унося за собой прежние формы рабочей мобилизации. Классовая система никуда не делась, однако, по мнению Кастельса, она трансформировалась. Прежняя классовая политика более не работает, а за ее изменения несут ответственность новые социальные движения, которые намного легче приспособились к постоянно меняющимся условиям общества.

Справедливо будет отметить, что схожие оценки можно найти в трудах Энтони Гидденса, исследовавшего вопросы и проблемы, связанные с системами социальной стратификации [2, с. 251–265]. Американский социолог и публицист Дэниел Белл неоднократно возвращался к тому, что в современном обществе центральными фигурами являются уже не предприниматели, бизнесмены и руководители промышленных предприятий, а представители интеллектуальной элиты, умеющие оперативно и гибко реагировать на постоянно изменяющиеся условия, которые он связывал с развитием технологий. Белл полагает, что в будущем основу общества будут составлять представители трех социальных классов: «творческой научной элиты и высших профессиональных администраторов»; «среднего класса инженеров и профессоров»; «пролетариата, охватывающего техников, исследователей-ассистентов и младший преподавательский состав» [1, с. 290].

Французский социолог Ален Турен пишет о том, что образ общества изменился в результате исчезновения основ социальных классов, а сами они трансформировались в бесформенную массу, из которой развились экономические классы и заинтересованные группы. Концентрация власти стала происходить из-за того, что ориентация связана далеко не с накоплением, а с программированием, которое способно выражать интересы общества. В этом программируемом обществе в господствующий класс входят технократы, инженеры и бюрократы [6, с. 91].

При этом новый социальный конфликт зреет в центре системы производства, а не за ее пределами. Происходит это из-за того, что информация, потребление и воспитание связаны со сферой производства более тесно, чем прежде. Ален Турен противопоставляет господствующий

щим интересам частную жизнь как ту сферу, в которой человек способен выразить себя наиболее полно и отчетливо. Культура, по его мнению, должна свободно распространяться и быть доступной для любых слоев населения, но в то же время она должна стать критической [там же].

Безусловно, упомянутые теории имеют немало отличий, если сравнивать их с выводами Кастельса, однако стоит признать, что его воззрения все же созвучны с представленными мнениями.

Может возникнуть вполне закономерный вопрос: каким же образом, по мнению Кастельса, изменяется форма стратификации? Одну из центральных ролей в своем анализе он отводит упадку рабочего класса. Рабочий класс, являвшийся основой социальных потрясений и изменений, количественно сокращается, а на смену ему приходит рабочая сила, занимающаяся нефизическим трудом. Кроме того, трудовая теория стоимости, по мнению Кастельса, замещается теорией стоимости, создаваемой информацией. Он утверждает, что информация и знания стали основным сырьем современного производственного процесса. Новыми производителями являются те генераторы и обработчики информации, чей вклад в экономику оказывается наиболее значимым.

Кастельс утверждает, что возник новый класс работников, занимающихся созданием, обработкой, хранением и распространением информации, что позволяет пренебречь прежним рабочим классом. Новые формы труда воздействуют на то, что он называет «трудом общего типа». Но каким же образом проявляются подобные явления? Во-первых, привычные формы труда вытесняются внедрением полностью автоматизированного производства. Во-вторых, создается новый продукт, к которому «труд общего типа» не в состоянии приспособиться из-за отсутствия гибкости.

Очевидно, что здесь идеи Кастельса тяготеют к постфордистским тенденциям. При постфордизме информационная инфраструктура является важным условием для управления глобализованными производственными стратегиями. Она также важна для ведения финансовой деятельности и предоставления информационных услуг, связанных с ней. Информационная структура в условиях постфордизма занимает одно из центральных мест в совершенствовании не только продукции, но и производственных процессов, обеспечивая улучшение показателей производительности и эффективности благодаря модернизации систем контроля и внедрению новых технологий, способствующих снижению затрат и повышению качества. Немаловажным здесь является то, что информационная инфраструктура является условием обострившихся процессов конкурентной борьбы.

Дэвид Харви, один из основателей «радикальной географии», утверждает, что эти процессы есть результат «уплотнения времени – пространства» (time-space compression) [7, p. 98]. Об этом пишет и Мануэль Кастельс, используя термины «сжатие» и «искривление». Он утверждает

ет, что данный процесс можно наблюдать с 70-х гг. прошлого века. Харви же полагает, что подобные процессы происходили на протяжении веков, однако с 70-х гг. они вошли в интенсивную фазу, когда пространственные и временные ограничения были резко сокращены или полностью сняты.

Для большинства ученых, испытавших на себе влияние школы регулирования, режим, называемый Харви «гибким накоплением», отличается от предшествующего по нескольким направлениям. Во-первых, рабочие в условиях постфордистского режима не связаны строгим профессиональным разделением. Во-вторых, производство становится более гибким. Рыночная конкуренция поощряет гибкость и заставляет организации инвестировать в развитие информационных технологий. В-третьих, само потребление становится гибким.

Однако следует понимать, что все названные компоненты гибкости на практике могут сочетаться в большей или меньшей степени.

Формы труда, связанные с генерацией, обработкой и распространением информации, по мнению Кастельса, становятся главным производителем стоимости, а рабочий класс приходит в упадок. Это ведет к тому, что «труд общего типа», пытаясь выжить в современных условиях, обращает свой взор к различным социальным движениям, имеющим авторитет, влияние, ресурсы, поддержку или интерес общественности.

Но что же происходит с классом капиталистов? Здесь Кастельс заявляет о том, что класса капиталистов не существует. Он утверждает, что с тех пор, как капитализм стал глобальным, возник «безликий коллективный капиталист». Однако это не какой-то определенный класс, а процессы, среди которых Кастельс выделяет валютные и биржевые торги. Функционеры этой системы являются далеко не владельцами капитала, а «информационными производителями», способными получать привилегии в новых условиях [4, с. 501].

В своих трудах Кастельс неоднократно пишет о том, что информация становится нематериальным ресурсом, заменяющим материальные ресурсы. Здесь идеи Кастельса заметно перекликаются с воззрениями американского философа Элвина Тоффлера, который в своих работах доносит до читателя, что в определенных случаях информация способна заменять материальные ресурсы. Он также добавляет, что именно информация становится основным материалом для рабочих.

По мнению Кастельса, «информационный труд» есть материал, который скрепляет «информационный капитализм». Те работники, которые направляют деятельность организаций, обязаны обладать навыками генерации, обработки и распространения информации. Именно данные навыки способны сохранять жизнеспособность в условиях неопределенности и постоянных перемен. При этом он добавляет, что для работников, обладающих указанными качествами, важна не специализация, а способность к оперативному реагированию на непрерывно

изменяющиеся условия. Эти люди обладают способностью «программировать» свое поведение, перестраиваться и переобучаться, если в этом есть необходимость. Для таких работников новая система есть благо, поскольку они способны находить для себя новые возможности. Такие качества, как преданность одной организации, постепенно размываются. Однако Кастельс отмечает, что подобная система все еще актуальна в Японии, а сами выводы являются обобщенными, поэтому при более подробном анализе необходимо учитывать историческое развитие рассматриваемой страны, ее культурное наследие и традиции.

Работники нового типа без труда находят новые рабочие места, полагаясь на сетевые контакты, завязываемые во время своей деятельности. Они не находятся в поисках ощущений надежности и защищенности, а возможность проявить себя выходит на первый план. Здесь он вспоминает о «работниках общего типа», которые привязаны к профессии и рабочему месту. Они не обладают гибкостью и нуждаются в уверенности в том, что у них будет возможность выполнять рутинную работу, используя одни и те же навыки.

Схожие идеи можно проследить в работах Дэниеля Белла, утверждающего, что человечество вступило в эру компьютеризации и роботизации. Число работников, занятых в промышленности, резко снижается. Происходит постоянный процесс высвобождения людей от занятости в промышленной сфере, что приводит к созданию новых рабочих мест в нематериальной сфере. Он задается вопросом, каким образом пролетариат способен вести борьбу, если он исчезает? Автоматизация отменяет привычный рабочий класс. Белл пишет о том, что главную роль в современном обществе играет информация [1, с. 171].

В своем творчестве Кастельс неоднократно возвращается к идеям об особенной роли образованных граждан и утверждает, что образование является залогом качества выполняемой работы. В соответствии с этим возникает вполне закономерный вопрос: дает ли высшее образование привилегии? Многие формы труда, в том числе и «информационного», зависят от места на рынке, которое оказывается решающим фактором, не зависящим от способностей работника. Однако не возникает никаких сомнений в том, что не первый год наблюдается искусственное раздувание спроса на квалифицированный труд и работников, имеющих образование, даже когда работа не требует особых навыков.

Кастельс заверяет, что именно класс менеджеров управляет крупными корпорациями, а благодаря своим способностям он является центром капитализма в его «информациональной фазе».

С этим трудно согласиться. Класс капиталистов никуда не исчез, а у «безликого коллективного капиталиста» есть лицо. Сложно оспорить аргумент Кастельса о том, что капитализм вел себя непредсказуемо во все времена, но при этом уровень его непредсказуемости в наши дни возрос еще больше. Однако класс капиталистических собственников все также

стоит на верхних позициях системы стратификации и имеет интересы в корпоративной системе и способность поддерживать свое существование благодаря монополизации не только богатства, но и образования.

Можно согласиться и с тем, что на верхней ступени глобального капитализма находятся деятели, способные генерировать, обрабатывать, анализировать, усваивать, распространять информацию и управлять ею, но сомнения вызывают те идеи, в которых отчетливо прослеживаются явные веяния меритократии.

Список литературы

1. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / пер. с англ., 2-е изд., испр. и доп. М.: Academia, 2004. 788 с.
2. Гидденс Э. Социология / при участии К. Бердсолл: пер. с англ. 2-е изд., полностью перераб. и доп. М.: Едиториал УРСС, 2005. 632 с.
3. Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе / пер. с англ. А. Матвеева; под ред. В. Харитонов. Екатеринбург: У-Фактория, 2004. 328 с.
4. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура: пер. с англ. / под науч. ред. О.И. Шкаратана. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.
5. Маклюэн М. Галактика Гутенберга: Сотворение человека печатной культуры. Киев: Ника-Центр, 2004. 432 с.
6. Турен А. Возвращение человека действующего: очерк социологии. М.: Науч. мир, 1998. 204 с.
7. Harvey D. The New Imperialism. New York; Oxford: Oxford University Press, 2003. 253 p.
8. Rantanen T. The message is the medium: an interview with Manuel Castells // Global Media and Communication. 2005. V. 1 (2). P. 135–147.

PROCESSES OF INFORMATIONAL TRANSFORMATION IN MANUEL CASTELLS' SOCIAL THEORY

I.A. Evdokimov

Tver State University, Tver

The author of the article analyzes the social changes connected with the processes of informational transformation represented in Manuel Castells' social theory. He examines the issue of new forms of social stratification, as well as the influence of the new modes of capital accumulation identified by Manuel Castells.

Keywords: *information, information and communications technology, social stratification.*

Об авторе:

ЕВДОКИМОВ Илья Александрович – аспирант кафедры экономической теории, ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь. E-mail: virginjesse@gmail.com

Author information:

EVDOKIMOV Ilya Aleksandrovich – Ph.D. student of the Economic Theory Dept., Tver State University, Tver. E-mail: virginjesse@gmail.com